

*Редакция журнала «Берега», его авторы и читатели поздравляют
Евгения Александровича Лушева с 90-летним юбилеем и желают ему бодрости,
энергии, прекрасного самочувствия, великолепного настроения, творческих сил!*

Василий Петрович и Вера Петровна Митрофановы, дедушка и бабушка Маши по маме, владели в Москве фабрикой хрустала. Они вырастили троих детей. Сын, Константин, служил секретарём у югославского патриарха Варнавы. В тридцатых годах прошлого века СССР разрешал богатым людям приезд в страну за спрятаннымикладами. При этом половина клада оставалась у государства, а другую половину владелец мог увезти с собой за рубеж. Константин в 1935 году съездил на родину, но смог найти только три клада из пяти. Дядя Константин свободно владел пятью иностранными языками. Прожил он недолго: заболев брюшным тифом, умер в Белграде.

Дочь Анастасия (Маша и другие дети почему-то звали ее тётей Диной) жила в Белграде и погибла в тридцать шесть лет. Это было в 1941 году. Она шла по улице города. Немецкий солдат крикнул: – Halt, – и выстрелил в неё из винтовки. Выстрел оказался смертельным.

Мама, Елена Васильевна, родилась в Москве. Окончила гимназию и консерваторию по классу фортепиано. В консерватории училась пению у итальянца Зелотти (Selotti). Обладала абсолютным слухом и лирическим меццо-сопрано. Консерваторию она закончила с золотой медалью. Была одарённым музыкантом. Отмечены её композиторские способности. Она писала романсы и на стихи «КР» (криптоним великого князя Константина Константиновича Романова, поэта, переводчика, драматурга, выдающегося деятеля русской культуры).

Митрофановы в Москве имели дачу. Молодой Николай Павлов однажды приехал снимать её. Встретил там красивую девушку Лену. Проказник Амур в мгновение одной стрелой пронзил два сердца. Вспыхнула любовь, которую люди называют «с первого взгляда». Вскоре последовало венчание. Появилась ещё одна счастливая пара.

Более подробно Маша рассказывает о предках по отцовской линии.

Прапрадед, Иван Никитич Скворцов, занимался выработкой бумажных тканей ручным способом в селе Середя. Пряжу покупал на бумагопрядильных фабриках и привозил в Середию летом по Волге, а зимой гужом. Приготовленную для тканья пряжу раздавал крестьянам соседних деревень для выработки миткаля.

Прадед, Иван Иванович, принял дело от отца в сороковые годы XIX века, а к концу шестидесятых уже давал работу местному населению на три тысячи ручных станков. За год вырабатывалось миткаля на 400000 рублей. Летом работы не производились: крестьяне занимались хлебопашеством.

Дед купил у крестьян 2,5 десятины земли и построил на ней фабрику на 450 ткацких станков. Их и двух мастеров выписал из Англии. Качество миткаля повысилось, доходы росли. Фабрика

расширялась и к 80-м годам в ней действовало 1120 ткацких станков. Ранее миткаль сбывался ситценабивным фабрикам села Иваново (Ивано-Вознесенск). А к концу 70-х годов – и фабрикам Москвы. Скворцовский миткаль занял почётное место среди товаров, производимых первоклассными русскими фирмами. Прадед, Иван Иванович, стал купцом первой гильдии.

После смерти Ивана Ивановича в 1892 году все дела перешли к его единственной наследнице, дочери Матрёне Ивановне, по мужу Павловой. Деятельная, энергичная Матрёна Ивановна стала продолжать дело. Она улучшила и обновила здания фабрики, машины, квартиры служащих, благоустроила больницу. Благотворительная деятельность ей была завещана отцом. Матрёна Ивановна пожертвовала крупные суммы местным храмам, Московскому университету, на постройку библиотеки имени её отца. Она совместно с мужем, Петром Александровичем, выстроила при фабрике училище для детей рабочих и служащих. В 1904 году она передала дело мужу и сыну, тогда малолетнему, Павлову Николаю Петровичу. Николай Петрович, будущий отец Маши, для обеспечения разросшихся до громадных размеров фабрик своей пряжей построил в селе Серeda прядильную фабрику.

Основатель мануфактур, Иван Иванович, воздвиг в 1887 году храм в центре фабричного поселения. С годами фабрики расширялись. Из небольших деревушек близ фабрики выросли большие слободы с общим населением до 15 тысяч человек. Наследники Ивана Ивановича расширили храм до вместимости 2000–2500 молящихся. Епископ Костромской Виссарион при освящении храма сказал:

– Много освящал храмов в жизни своей, но такой великолепный храм освящаю в первый раз. Поистине, стоя в нём, действительно, яко на небеси стояти мнишь. – При фабричном храме есть библиотека и зал-читальня. При фабриках имеются училище, школа грамоты, зал для чтения, спектаклей, концертов и кинематограф. Фабричная больница состоит из амбулатории с аптекой, госпитального, родильного, инфекционного отделений. В амбулатории – хирургический и терапевтический кабинеты. При фабриках, расположенных в удалении от села Серeda, имеются свои школы, библиотеки, больницы.

Так, поколение за поколением Скворцовы-Павловы развивали своё предприятие, обеспечивали работой многих людей, обустроивали их жизнь на небольшом участке огромной России. Сами богатели и вместе с ними богатела Россия.

Налаженная жизнь прервалась, всё созданное предками рухнуло с приходом революции. Елена Васильевна, мама Маши, оставила об этом периоде дневниковые записи.

«За несколько дней до революции мы с папой решили отправить детей (Володю, Женю и Елену) на свою дачу в Крым, так как жить в подмосковном имении стало опасно. Хотя наш дом с громадным лесом (парком в двадцать одну десятину) был всего в двенадцати вёрстах от центра Москвы – сообщаться можно было только лошадьми или автомобилем по Петербургскому шоссе. По ночам хулиганы поперёк дороги клали брёвна, останавливали проезжающих, отбирали деньги, покупки и выдёргивали серьги в ушах у женщин». К этому времени многие фабриканты продавали свои предприятия иностранцам, переводили свои деньги за границу, или, ликвидировав, что возможно, уезжали на юг или за границу. Для Николая Петровича это было невозможно. Напротив, он настаивал на том, чтобы ехать жить на фабрику и вместе с рабочим комитетом договориться о «прожиточном минимуме», о количестве часов работы, о прибавках и других требованиях. К неудовольствию хозяев соседних фабрик, Николай Петрович всегда первый шёл навстречу требованиям рабочих, поэтому на его фабриках никогда не было длительных забастовок. Так семья прожила несколько месяцев на фабрике.

Но постепенно всё менялось. Стали приезжать матросы, рабочие, агитаторы – устраивали митинги, доходившие до драки. Книжки стали проверять совершенно неграмотные люди: держа книгу наоборот. И, наконец, пошли всяческие обыски. Было решено арестовать всех фабрикантов.

Рабочие фабрики ночью сообщили об этом семье Николая Петровича. Они предложили сейчас же вывести семью из дома и советовали ехать в Москву и дальше. Собрали документы. Поехали на самых плохих, тощих лошадях и допотопном тарантасе. Николай Петрович нахлобучил картуз. Елена Васильевна повязалась платком. Ночь. Кругом темно и неприветливо. На сердце тяжесть, но больше всего угнетала полная неизвестность впереди. Громадная прядильная, которая обыкновенно светилась тысячами огней, стояла как мёртвая. Электрическая станция не работала. Прожекторы, освещавшие на много вёрст вокруг путь рабочим на фабрику в снежную пургу,

и детям, идущим в школу, бездействовали. Ткацкая фабрика, мастерские, церковь, больницы, приют для маленьких детей, ясли, родильный дом, школы, большой зал для туманных картин и немых фильмов, библиотека, магазины (лабазы) с продуктами и материями, отпускаемыми в кредит и по себестоимости – все остановилось, замерло. Объявлен приказ о всеобщей забастовке всего Ивано-Вознесенского треста.

Приехав на станцию «село Середа», прошли к её начальнику и попросили позволения подождать поезда у него. Он знал семью Павловых и оказался гостеприимным хозяином: принёс чай, коньяк, жареные пирожки, которыми тогда славились все железнодорожные станции. Оказалось, что поезда из Иванова придётся ждать долго: путь загромождён вагонами с перевязочными материалами для фронта и вагонами солдат, едущих с фронта. На руках у Николая Петровича имелся документ, выданный рабочим комитетом его фабрики. В нём «рабочие депутаты» просили выдать семье дальнейший пропуск в Крым на поправление здоровья. По этому документу они и выехали через несколько дней. Из многочисленной прислуги их дома в Москве согласился ехать с ними в Крым только повар. Его тоже занесли в пропуск.

На Курском вокзале сели в поезд, отходящий в Севастополь. Москва осталась позади. Ехали в вагоне 4-го класса с нарами в три-четыре этажа. В нём – жара и духота. Вокруг полупьяные лица, за поясами ручные гранаты, которыми они дурачились и грозили друг другу. Елене Васильевне было трудно лежать на досках: она была в положении (пять месяцев). Поэтому она сидела и дремала в коридоре на своих чемоданчиках. В пути пассажиров много раз обыскивали. У Николая Петровича взяли бинокль и фотоаппарат. У повара нашли зашитую в сорочку Екатерининскую бумажку в 100 рублей. Женщин отводили в уборную и осматривали с ног до головы. У мужчин отдирали каблуки, так как многие прятали там драгоценные камни. Часто проверяющие просто забирали вещи, которые им понравились. Контроль отсутствовал и жаловаться было некому. К Елене Николаевне не подошёл ни один красноармеец. Даже не смотрели в её сторону. Видимо, в их глазах она была пустым местом.

Состав подходил к «демаркационной линии». За ней стояли немцы. Они занимали тогда всю Украину и эта часть вместе с Харьковом находилась в их руках.

Поезд остановился. Пассажиры с вещами пошли к переходу линии. В это время на путях показался локомотив с красноармейцами. Было воскресенье и они прибыли, чтобы поугагать и пограбить публику. Раздались ружейные выстрелы, а потом затрещал пулемёт. Народ бросился в небольшой лесок, который протянулся параллельно рельсам. Пули впивались в стволы деревьев, срывали листья, или, свистя, пролетали дальше. Началась паника. Одни ложились на землю, другие бежали дальше, чтобы скорее достичь немецкой заставы. До неё было около пяти километров. Павловы решили бежать дальше. Тем более что красноармейцы уже начали основательный грабёж и стрельба стала стихать. Увидев немецкий заслон, пулемёты и полевую артиллерию, Павловы перекрестились и вздохнули свободно. Николай Петрович по-немецки объяснился с солдатами. Они указали дорогу, сказав, что от Харькова Павловы могут спокойно ехать до Севастополя в плацкарте третьего класса. Выходка красноармейцев немцам не понравилась, и они послали им угрожающую «ноту». Те стали убегать обратно и так торопились, что локомотив сошёл с рельсов. Это Павловым рассказали прибывшие к немцам позднее. Елена Васильевна, получив своё место в вагоне, заснула как убитая с мыслью, что на следующий день увидит своих детишек и больше никогда с ними не расстанется.

В Крыму Елена Васильевна родила трёх мальчиков: Петю, Котю и Юру. Это стало сенсацией в Ялте. О ней писали в газетах. Николай Петрович возглавил «Белый Крест». В его распоряжении находились санатории Ялты, Алупки, Симеиза и Гурзуфа. Продуктов питания недоставало – «ели одну хамсу». Так продолжалось год и восемь месяцев.

Красные, овладев Перекопом, стали приближаться к Ялте. Ночью раздался телефонный звонок: приказано всем погрузиться на пароходы. Все линейки, коляски, автомобили мобилизовали для перевозки больных. Павловы наполнили два сундука, одели детей и на рассвете погрузились на пароход. Детей вначале устроили в трюме. Но там оказалось громадное количество крыс и вшей. Поэтому детей взяли на палубу, устроив из пледов защиту от ветра. Простояв несколько часов на рейде, ночью отплыли в Севастополь.

Третий раз Павловы оставляли родные дома. В Константинополе научились делать пряники, пончики. Этим жила вся семья. Николай Петрович перенёс брюшной тиф. Федя в это же время лежал

в сыпном тифу. Воспаление лёгких началось у Пети. Дети переболели корью. Когда переехали в Хайдар – Пашу, на азиатскую сторону, жизнь наладилась. Николай Петрович раньше много помогал москвичу Гаррапичу. Тот и помог им теперь, прислав визы в Югославию. Павловы прожили там почти 24 года.

Маша родилась в Загребе (Хорватия) в 1925 году. Раннее детство запомнилось ездой на «Волке». Так звали её любимую собаку. В пять лет знала ноты, хотя читать ещё не умела. Во время концертов в 6,5 лет на фортепиано исполняла маленькие произведения Моцарта. Вся её последующая жизнь прошла вместе с музыкой. Маша считает свою увлечённость музыкой от мамы. Маша не любила шить, вязать. В 8 лет специалисты проверили у неё слух. Она все ноты назвала правильно. Заключение: музыкально одарённая девочка с идеальным слухом. Счастливое Машино детство прервала смерть отца от осложнений после перенесённого тифа. Сиротство оставило отметину в сердце, но не сломило её. Мамина любовь и жизнь победили – Маша осталась жизнерадостной девочкой.

Мама повела её на балет «Лебединое озеро». Маша, целиком поглощенная танцем, не двигалась. Маме сказала:

– Хочу танцевать. – Пришли с мамой к хореографу Поляковой Елене Дмитриевне. Та посмотрела девочку и высказала готовность заниматься с ней. Но у мамы нет денег на оплату занятий. Елена Дмитриевна сказала маме:

– Вы станете тапёршей, а Машенька пусть танцует. – Так танцы и рояль стали главными в детстве Маши. В Белграде она окончила четыре класса подготовительных и восемь классов гимназии. Параллельно окончила десятилетнюю балетную школу Елены Поляковой, а также музыкальную школу по классу фортепиано.

Маша в пятнадцать лет подвернула ногу. Доктор рекомендовал поехать «на грязи». Договорились, что её лечение оплатит брат с друзьями игрой на музыкальных инструментах. Когда люди собирались у бювета на курорте близ реки Дрина, брат с музыкантами играли на балконе.

Югославия находилась под немецкой оккупацией. Однажды утром, проснувшись, Котя, брат, спросил:

– А где немцы? – Посмотрели вокруг – немцев нет: они ушли. А пришли партизаны. Хозяин: – Я спрячу вас в подвал. – А позже приходит: – Требуют всех, кто не из городка, выйти на площадь. – Вышли. Приказывают: – Копайте яму. – Выкопали. Построили всех в ряд. Оказалось пятнадцать человек. Спрашивают у собравшихся жителей про первую женщину: – Чем занималась при немцах? – Еду готовила им. – Стреляют. Она падает в яму. Следующие – муж и жена. Они фотографировали немцев. – Стреляют, и они в яме. Очередной была очень полная венгерка. – Стирала немецкое бельё. – Стреляют. Она падает в яму ещё живая. Её достреливают в яме... Осталось их трое.

Из-за поворота выехала на площадь группа всадников. Впереди молодой человек, недавно отдыхавший с их компанией:

– Кто дал право на самоуправство? Мы не убийцы. – Так называемых партизан, их было пятеро, тут же расстреляли. Маша без сил опустилась на траву. Хозяйка принесла ей ракии. В пятнадцать лет умирать не хотелось. Молодой человек брату:

– Живите в этой комнате. Машу одну не оставляйте: могут надругаться. Сам будешь играть на аккордеоне. – Их стерегли два молодых парня. Пришёл местный священник-серб и сказал:

– К вечеру принесу ракию. Вы не пейте. Пусть парни напьются. – Когда к ночи подвыпивших парней одолел сон, ребята с Машей убежали. Днем прятались в траве, питались ягодами, грибами.

Священник ушёл в свою деревню, а они направились к немцам. Там их отправили в тюрьму как партизан. Сделали о них запрос по телефону и на следующий день на грузовике повезли в Белград. С ними ехало восемь молодых парней и такой же молодой немец. Разговаривать запретили. В пути немцу в кузове подали из кабины какой-то знак. Тот скомандовал парням:

– Прыгайте. – Те прыгнули. И всех восьмерых мальчиков-евреев немец убил из револьвера выстрелами в затылок. У немца-мальчика были какие-то стеклянные глаза. Наверное, откажись он – его расстреляют.

В Белграде отпустили. Побежали к маме. Она – в обморок: немецкие газеты сообщили, что в том местечке у Дрины была бомбёжка и живых не осталось. С мамой пошли в гимназию. Директор её спрашивает у мамы:

– А там её насиловали?

Машу уведомили, что прошение о поступлении в Венскую консерваторию удовлетворено. Условие – один год до поступления отработать на авиационной фабрике. Поехали с мамой. На границе Югославии с Австрией всеми выполнялось обязательное требование: голыми с поднятыми руками пройти мимо офицеров. Прошли. А дальше решили бежать с границы. Дошли до железнодорожной станции. Мама по-немецки кассиру:

– Два билета в Вену. – Дали. Маша по какому-то наитию, зайдя в уборную, оторвала и выбросила верхнюю треть документа, сложенного из листа в форме буклета. На выброшенном отрывке написано одно слово «фабрика». В купе четыре места. Напротив сидит немка. Секунды до начала движения поезда кажутся вечностью. Входит немец с бляхой. Берёт документ Маши. Видит фото, вслух произносит:

– Studentin, gut, – и возвращает документ. Состав трогается. Мама и Маша переводят дух, а фабрика проплыла за окном и осталась позади.

В консерваторию поступало 150 человек. Конкурс выдержало семеро, в том числе и Маша. Она училась балету, а также игре на рояле. Вену днём бомбили русские, а ночью – американцы. Маша спасалась в бомбоубежище, в два этажа под землёй. Однажды взрывная волна швырнула её и подружку по коридору до нижнего этажа. В бомбёжках три раза теряли все вещи. Немцы возмещали многое, и всегда – одежду.

Молодость есть молодость. Маша с подругами после бомбёжек завешивали окна одеялами и танцевали. Ей очень нравилась учёба в консерватории. Но к Вене приближались советские – надо убегать. Смогли попасть в последний поезд, уходящий в глубину Австрии. Вагоны переполнены: пассажирами заполнены даже уборные.

Появляются советские самолёты – все убегают в лес. Но их не бомбили. Возможно, потому что на крышах вагонов видны красные кресты. На одной из подобных остановок объявляют:

– Поезд дальше не идёт. – Маша с мамой и братом пошли вперёд. Увидели деревушку. Подошли к одному из домов. Хозяйка:

– Что умеете делать? Так. Молодой человек – работать в поле. Вы займётесь хозяйством. Дочку днём спрячем в соломе, а ночь проведёт в доме.

В американской зоне рядом с городом Зальцбург организовался лагерь русских эмигрантов ПАРШ (Parsch). В нём и оказалась семья Маши. Американцы почему-то больше помогали третьей волне эмиграции – русским, ушедшим из России вместе с немцами. Сами себя эти русские называли «Мы». С помощью американцев построили театр на сто мест. Маша в нём танцевала, участвовала в драматических спектаклях.

В американскую зону стали приезжать представители советской комиссии по репатриации бывших советских граждан. Страшное время. Маше запомнился симпатичный мальчик – бывший лейтенант Юра Соколов. Его уже проверили. Он назвался поляком с другой фамилией. Его вызвали повторно. Сказали:

– Мы вас проверили, вы свободны, идите. – И на полдороге до выхода громко назвали его настоящую фамилию. Юра инстинктивно... нет, не повернул голову, а только не успел сдержать легкого движения к этому. Но чекистам оказалось достаточным и такого. Американцы пытались его отстоять. Не смогли помочь. Забрали мальчика. Так и сгинул Юра Соколов.

Лагеря стали разгружать. Надо уезжать в какую-нибудь страну. В США и Канаду не пускают: семья Павловых из Москвы. В Австралию можно. Но там брату сначала необходимо пять лет рубить лес, а Маше три года работать прислугой. Так семья Павловых: мама, Петя и Маша – оказалась в Аргентине.

В Париже богатый аргентинец влюбился в артистку из балета Дягилева Ольгу Сергеевну Кирову. Женился и увез её в Аргентину. Она организовала школу балета. Маша стала работать у неё преподавателем. В школе занималось до 200 учеников. Появилось много знакомых. Особенно благодаря встречам в Русском клубе на Karlos Kalve. Председательствовал в клубе граф Шереметев. В клубе не только встречались, обменивались информацией, завязывали знакомства, но и ставили спектак-

ли. Причём постановку осуществляли профессиональные режиссёры. Маша участвовала во многих спектаклях и продолжала танцевать на вечерах. Их постановки и её танцы знатоки называли высоко профессиональными.

Любовь пришла к Маше в лице литовца Купрявичуса. Но вскоре их семейная лодка разбилась. Он оказался ненадёжным другом. В клубе познакомилась с Романом Алексеевичем Ловцовым. Его жена считала возможным для себя проводить ночи вне дома, и он расстался с ней. Стали встречаться в клубе двое грустящих, два одиночества. Со временем они пришли к мысли: хватит грустить, и в 1952 году поженились. Зарегистрировались в Мексике. Обвенчались через 23 года. Венчал Владимир Шленев. Прожили вместе 48 лет.

Роман родился в Риге. Рос без отца. В войну немцы мобилизовали его. Он сбежал, снял немецкую форму, скрывался в лесу. Сумел пробраться в Бельгию, там работал в шахте. В Аргентине он владел фирмой, занимающейся отоплением и охлаждением. Его обокрал компаньон-хорунжий Николай Дубина. Тот тайно на общие деньги скупил себе несколько квартир. Роман любил путешествовать, был добрым. У него во многих странах жили друзья, которые всегда приглашали их и радушно принимали.

Есть друзья и в США, но там «холодные люди без всяких интересов». Хорошо у них пенсионерам: где бы ни работал – пенсии большие. Но там не интересуются другими и не знают даже, кто рядом живёт.

Мария Николаевна создала здесь свою школу балета. Она была широко известна, пользовалась авторитетом. Её ученицы танцевали на многих сценах мира. Маша с удовольствием перечисляет теперь их имена, известные в Аргентине и в других странах.

– О балете в Аргентине. Пятнадцать лет назад в авиакатастрофе погибло много артистов балета из Аргентины. Самолёт с ними упал на землю и разбился. Здесь плохо оплачивают труд артистов балета. Лучшие танцовщики и балерины покидают страну, уезжают в Англию, Францию, США. Хулио Рока в 18 лет завоевал первое место на конкурсе в Москве. Но он уже покидает сцену. В Буэнос-Айресе три-четыре хороших театра. В театре Колон (Colon) балерины танцуют два-три раза в году. Ученицы школы балета театра Colon сами за период обучения на его сцене не танцевали. Абонемент в Colon очень дорогой. Маша повторяет: – Главное в подготовке балерины не техника, а дисциплина. Пришла ученица с часами на руке – выйди, сними».

Маше 82 года. Но выглядит она значительно моложе своих лет. Живет в Аргентине с 1950 года. Гражданкой этой страны стала с 1972 года и только для того, чтобы беспрепятственно путешествовать по разным странам. Она поддерживает знакомство со многими аргентинцами. Но общается в основном с русскими. А знает она, по моему мнению, почти всех представителей русской диаспоры в Буэнос-Айресе, особенно потомков белой эмиграции. Она помогла мне встретиться с некоторыми из них.

Я дважды беседовал с Марией Николаевной. Приходил в точно назначенное время, так как весь день у неё расписан. Оба раза к моему приходу был накрыт красиво сервированный стол с различными яствами, большинство которых можно увидеть на столах в России. Оформление интерьера комнат её квартиры тоже напоминало русское. Беседуя с Марией Николаевной, я забывал, что я не в России. У меня осталось впечатление встречи с культурной, высокоинтеллектуальной, доброжелательной, по-русски хлебосольной, светлой, обаятельной русской женщиной. Я очень признателен ей.

Дважды: в 1983 и 1994 годах Мария Николаевна приезжала в Россию.

Она получает пенсию за себя и мужа – 340 долларов. Романа Алексеевича не стало в 1991 году. В Буэнос-Айресе живёт её брат, Петр Николаевич. Ему 88 лет. Из тройни он остался один. В Бразилии живёт сестра Елена. Ей 91 год.

Мария Николаевна помогала многим русским, приехавшим в Аргентину. А Виталий Власенко, работавший по контракту в театре Колон, жил в её квартире. Он потом привёз невесту из Москвы. Свадьбу с присутствием солистов балета театра сыграли в квартире Марии Николаевны. Рассказывая, она смеётся:

– В застолье исчезла серебряная рюмка – прихватил на счастье кто-то.

Дочь Марии Николаевны, тоже Маша, вырастила двух дочерей: Фернанда (Феня) – психолог, Людмила (Люля) – архитектор. Обе говорят по-русски. Сама Маша очень похожа на маму. Такая же

стройная, обаятельная блондинка со светло-голубыми глазами на европейского типа лице с правильными чертами. Её увлечение – рассказывать детям русские сказки. Не читать, а рассказывать. Рассказанная сказка воспринимается детьми как живое действие. Она больше нравится, увлекает их. Маленький мальчик «научил» её, однажды сказав во время чтения:

– Ты лучше рассказывай: тогда ты смотришь нам в глаза, а не в книгу. – Уже пятнадцать лет Маша рассказывает сказки детям от семи до одиннадцати лет в немецкой школе «Гёте» (Goethe). В обеденный час ей предоставляют класс на тридцать пять минут. Маша знает много китайских и японских сказок, но русские ей нравятся больше всех. Её бабушка (по маме) очень любила сказки с «моральным выводом». Такие Маша рассказывает более старшим детям, от девяти до одиннадцати лет. Вот небольшой перечень её сказок: «Конёк-горбунок», «Царевна-лягушка», «Василиса премудрая», «Царь Салтан», «Морозко», «Теремок», «Одноглазка», «Руслан и Людмила», «Семь братьев», «Про лисичку», «Золотое яблоко», «Басни Крылова»... Ныне она выбирает лучшие сказки всех стран мира.

Маша нигде не училась рассказывать сказки. Но она с малолетства была связана с театром, выросла в семье, которая любила искусство. Папа и мама участвовали в «Обществе друзей русского театра». Мама – профессиональная балерина. Маша в детстве танцевала, но потом увлеклась русским фольклором. Очень любит его. Много лет занималась им.

– Моя душа танцует, когда слушаю русскую музыку, – говорит Маша. Ей всегда нравилась сцена. Её отец очень любил музыку, особенно классическую. В молодости превосходно играл на скрипке. Папа много читал. В их доме всегда были гости: артисты, музыканты.

Бабушка Маши очень хорошо знала настоящую русскую кухню. Это знание и любовь к ней передались внучке. Увлекается Маша рукоделием, интересуется всемирным фольклором. В последние годы она посещает курсы, где изучает методику построения и ведения рассказа, фонетику – всё, что относится к её сказкам.

Маша никогда не была в России, а только мечтает об этом. Её мама родилась в Хорватии. Но не только они, но и дети Маши говорят по-русски. А в Машинем русском не слышно акцента.

На концерте, посвященном Русскому дню на международной книжной ярмарке в Буэнос-Айресе, мы сидели рядом. Зная, что для новой встречи времени уже не будет, я попросил Машу письменно ответить на некоторые вопросы. Она согласилась, и сразу после концерта я прочёл ответы. Они были написаны по-русски красивым почерком без единой ошибки.

Низкий поклон двум Машам, русским женщинам в Аргентине. Они, рождённые за рубежом, вдали, за много тысяч километров от России, сохраняют обычаи, традиции, язык своих предков вот уже в третьем поколении. Великая им благодарность. Лучшей наградой для них стало бы признание их гражданами России с вручением паспортов с двуглавым орлом.